РАЗДЕЛ XL. ФИЛОСОФИЯ

Шестаков Ю.А.

Роль эндогенных и экзогенных аксиологических факторов в формировании культуры национальной безопасности России

*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты
(Россия, Шахты)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-320

Аннотация

В статье анализируются роли эндогенных и экзогенных аксиологических факторов в формировании культуры национальной безопасности России. Сделан вывод о том, что только культурная определенность целей и методов обеспечения национальной безопасности, порожденная влиянием как экзогенных, так и эндогенных аксиологических факторов, основанная на традиции и трансисторических ценностных константах ментальности, может обеспечить формирование релевантной угрозам эпохи глобализма культуры национальной безопасности России.

Ключевые слова: традиции, инновации, ментальность, культура, культура национальной безопасности.

Abstract

The article analyzes the role of endogenous and exogenous axiological factors in the formation of the national security culture of Russia. It is concluded that only the cultural certainty of the goals and methods of ensuring national security, generated by the influence of both exogenous and endogenous axiological factors, based on tradition and trans-historical value constants of mentality, can ensure the formation of a culture of national security of Russia relevant to the threats of the era of globalism.

Keywords: traditions, innovations, mentality, culture, national security culture.

В качестве доминирующей угрозы национальной безопасности общественным сознанием россиян и рационализирующей его основные детерминанты отечественной научной общественностью эксплицируются отсутствие ценностного консенсуса внутри российского общества, а также размывание ценностной матрицы российской цивилизации под влиянием экзогенных ценностных феноменов. Поэтому обеспечение национальной безопасности России в условиях глобализации немыслимо без уяснения смысла взаимодействия эндогенных и экзогенных аксиологических феноменов в качестве факторов, формирующих отечественную культуру национальной безопасности.

Разумеется экзогенные воздействия на ценностную матрицу российского общества не случайны и целесообразны, поскольку они обеспечивают инновационное развитие российского национально-государственного сообщества. Однако культурные инновации имеют смысл только в том случае, если они обеспечивают «возможность внутренней консолидации различных социальных групп» [7, с. 6]. Особенно это актуально для России, поскольку, по мнению ряда культурологов, «культурная идентичность для россиян обладает гораздо большей значимостью, чем идентичность политическая» [6, с. 113]. Ведь причины угрозы они справедливо усматривают в экспансии «западноцентристского» понимания процесса глобализации как стирания культурных различий на основе тотального доминирования мировоззренческих идеалов, характерных для Запада.

Целостный характер культуры, необходимый для ее постоянного воспроизводства, обеспечивается поддержанием системного равновесия. Это равновесие, в свою очередь, предполагает сохранение традиционных паттернов культуры. Обеспечение безопасности российского государства связано с опорой на основания, связанные, в первую очередь, с культурной традицией. Культурные инновации представляют собой сознательно и целенаправленно вносимые в определенную культуру достаточно стабильные элементы, создающие предпосылки для изменения этих паттернов. Они несут реальную опасность утраты культурной, а значит и всякой иной, сущности, специфичности, самости общества. Разумеется, что далеко не всякие инновации представляют собой угрозу утраты ценностной определенности (их безоговорочное отрицание скорее характерно для разнообразных форм сепаратизма, несущего угрозу национальной безопасности), в том числе тех ценностных оснований, которые определяют цели и методы обеспечения национальной безопасности. Это очевидно, поскольку объектом национальной безопасности является не только сохранение, но и развитие этих целей и методов в эпоху, когда «неизменным свойством современного мира становятся сами изменения» [1, с. 150].

Однако эти инновации, для того, чтобы сохранять маркировку культуры, должны вырастать внутри самих традиций, в их ценностных рамках. В.С. Степин справедливо полагает, что культура представляет собой «надбиологический» код, определяющий программы поведения, общения и деятельности определенного сообщества, который «хранит и транслирует эти программы (традиция), а также генерирует новые программы деятельности, поведения и общения....(творчество)» [7, с. 6]. Модернизационные процессы, на вызов которых должны отвечать национально-государственные сообщества, также не могут рассматриваться вне контекста традиций, поскольку «модернизация не может быть игнорированием культурных традиций, она всегда остается переходом из традиции в современность...» [4, с. 113]. Поэтому для перехода к новому типу цивилизационного развития надлежит обеспечить «линию преемственности». Тем более, что, по мнению исследователей особенностей российской модернизации, мощной духовной традицией России, которая может послужить идейной основой модернизации, является Просвещение как антипод претендующего на универсализм постмодерна [4, с. 111]. На их взгляд эта отечественная традиция не исчерпала своих возможностей.

Менталитет национально-государственного сообщества, в качестве детерминанты его культурного своеобразия, «воплощает в себе дуальную природу новации и традиции, он служит одновременно и продуцирующим социальный прогресс фактором и фактором, сдерживающим чрезмерно быстрые и чрезмерно крупные социальные изменения» [3, с. 27]. Менталитет также «выполняет функции средства самоидентификации человека и формирования социальной солидарности» [3, с. 27] за счет баланса сходства и различия «конструктивных» ценностных ориентаций. В этом качестве он представляет собой несомненно важнейший, доминирующий фактор культуры национальной безопасности.

Разумеется, качественные изменения в культуре абсолютно необходимы, чтобы устоять и победить в конкурентной борьбе с иными национально-государственными и цивилизационными сообществами. Поэтому и экономическое преуспевание является объективным показателем того, что культурные изменения дали положительный эффект. Разумеется, социальный прогресс необходим и менталитет должен содержать меру старого и нового, поддерживать преемственность характеристик общественного сознания и смену его приоритетов, обеспечивая сбалансированное развитие национально-государственного сообщества. Но необходимо принять во внимание то обстоятельство, что менталитет служит «глобальной программой человеческой активности» [3, с. 26] сообщества. Исследователи проблемы соотносят ментальность с определенным «типом культуры», определяющим для ее носителей глубинный смысл

обыденности. В силу этого воплощенные в понятии «менталитет» инварианты отношений социума к важнейшим феноменам бытия имеют «предпосылочный характер подобно парадигме в научном познании и создают у людей некое общее мировоззрение и сходную в основных чертах картину мира» [5, с. 27]. Основные характеристики этой программы должны оставаться неизменными, именно для того, чтобы обеспечить возможность социальных новаций и социального прогресса в постоянно изменяющихся условиях бытия. Следовательно, не стоит забывать, что изменения фундаментальных ценностей культуры, вследствие заимствования у иных цивилизационных образований, фактически представляют собой трансгенные мутации, изменяющие культурный код нации. Они опасны тем, что в странах догоняющего типа модернизации создают химеру из определенных традиционных ценностей в соединении с ценностями новыми, которая может носить неорганический для данной культуры характер и способствовать ее разрушению и гибели. Для этого в неприкосновенности должен оставаться культурный (или, используя категорию того же В.С. Степина, «культурно-генетический») код, представляющий собой «наиболее консервативную часть культуры» [8, с. 9]. Он формируется, в большей степени, на бессознательном уровне, поскольку «бытие человека в культуре не воспринимается как чисто рациональная установка, оно переживается как естественная принадлежность человека к своему культурному миру – «укорененность» в родной культуре», а «детерминация менталитета ...связана с физиологическим, генетическим, подсознательными, предрассудочными предопределенностями» [2, с. 51 – 52]. Попытки изменить этот код целях организации внешнего, глобального управления обществом, подчинения его иной системе ценностей, провоцирующей «социально-безответственную игру культурами смыслами» [7, с. 34], представляют собой бесспорную угрозу национальной безопасности.

Эта угроза направлена против тех наиболее устойчивых ценностных установок, субъективных ценностных ориентаций, которые сложились в ходе исторического развития российской цивилизации и которые определяют ее культурную сущность, составляют ее аксиологическое ядро, обусловленное культурным кодом. В качестве примеров можно привести установку на ценности коллективизма, воплотившуюся в национальном идеале «соборности», предполагающем ориентацию на единомыслие, ценностный консенсус, ориентацию на органическое противопоставление себя Западу и т.п. Статус устойчивых культурно-исторических констант является достаточным основанием для определения этих аксиологических детерминант как релевантных сохранению жизнеспособности российского национально-государственного сообщества и объектов обеспечения его безопасности. К методам обеспечения безопасности, обусловленным культурным своеобразием российского социума, можно отнести разделяемое большинством населения и научного сообщества единение общества вокруг национальной идеи. Поэтому эта идея может и должна внедряться в массовое сознание (то есть общественное сознание основной части определенного социума, объединенного идейно-политическими, социально-экономическими и историко-культурными условиями существования и выполняющее функцию регулятора социальной активности социума) всеми основными институтами социализации – семьей, церковью, образовательными учреждениями, СМИ, общественными организациями – благодаря координирующей функции государства. Ведь идеократический идеал политического устройства сформировался в ходе исторического развития России и, в силу этого обстоятельства, он является важнейшей характеристикой ментальности россиянина.

Следовательно и телеологические, и инструментальные компоненты культуры национальной безопасности должны носить качественно своеобразный характер специфической культурной определенности, основанной на традиции и особенностях ментальности россиян, поскольку угроза утраты самобытности под влиянием

опасности извне стимулирует сообщество к поиску тех культурных скреп, которые обеспечат ценностный консенсус и консолидацию общества как средство сохранения своей определенности в качестве субъекта истории в системе взаимодействия разнообразных акторов, имеющих этот статус.

Таким образом, только культурная определенность целей и методов обеспечения национальной безопасности, порожденная влиянием как экзогенных, так и эндогенных аксиологических факторов, основанная на традиции и трансисторических ценностных константах ментальности, может обеспечить формирование релевантной угрозам эпохи глобализма культуры национальной безопасности России.

1. Андреев И.Л. Современные представления о человеческом сознании // Материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2012. – № 4. – 176 с.
2. Габитов Т.Х. Национальная идея в контексте диалога культур // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 49 – 57.
3. Губанов Н.И., Губанов. Н.Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 22 – 32.
4. Драч Г.В. Философия о будущем цивилизации // Вестник московского университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 4. – С. 99 – 105.
5. Золотухина-Аболина Е.В. Философия обыденной жизни: экзистенциальные проблемы. / Курс лекций. – Ростов н / Д: изд-во ЛРНЦ «Феникс», 1994. – 140 с.
6. Костина А.В. Обеспечение национальной безопасности как основная функция культуры // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 109 – 119.
7. Обсуждение книги академика В.С. Степина «Цивилизация и культура». Материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2013. – № 12. – С. 3 – 47.
8. Романова А.П. Традиции и инновации с позиции культурной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Том 1 (67). – 2015. – № 2. – С. 3 – 12.